

**ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВЫМ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
«ТРИЕДИНОГО ПРОЦЕССА»**

Г. М. Дробжева

Кафедра истории и философии, ТГТУ

*Представлена профессором А.А. Слезиным
и членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым*

Ключевые слова и фразы: боль; «вторичное упрощение»; идея; «первоначальная простота»; прогресс; развитие; «разнообразие в единстве»; содержание; «триединый процесс», форма; «цветущая сложность».

Аннотация: Рассматривается содержание основополагающих философских категорий, которые К. Н. Леонтьев использовал для обоснования культурологической концепции «триединого процесса», а также соотношение понятий «развитие», «эволюция» и «прогресс», что позволяет понять его резко отрицательное отношение к явлениям демократизации.

Сравнительный анализ натуралистических взглядов Леонтьева и виднейших представителей позитивистского направления в социологии XIX в. выявляет его оригинальность и новаторство в применении органицистских принципов к анализу развития культуры.

Интерес к наследию К. Н. Леонтьева (1831 – 1891), заметно возросший с 90-х годов XX века, не только не спадает, но стабилизируется, оставаясь на довольно высоком уровне. Актуальность его идей определяется кругом проблем, поднятых и раскрытых в его творчестве: основания, характер и закономерности развития культуры, причины ее подъема и упадка, место России в системе мировых культур. Продолжают выходить в свет статьи и монографии, посвященные исследованию различных аспектов его творчества. Практически в каждом современном учебнике по философии и культурологии излагаются основные положения концепции «триединого процесса», разработанной Леонтьевым. Наклеивание идеологических ярлыков и обвинения Леонтьева в философской «несолидности» и несамостоятельности, по-видимому, окончательно ушли в прошлое.

Создается впечатление, что Леонтьев наконец-то прочно занял достойное место в пантеоне самых значительных отечественных мыслителей XIX в. На первый взгляд, все эти обстоятельства должны способствовать дальнейшему развитию исследования его наследия, однако при более внимательном анализе ситуации в современном «леонтьевоведении» наблюдаются некоторыестораживающие тенденции. Его имя и идеи приобретают некий хрестоматийный глянец, простое изложение взглядов Леонтьева начинает преобладать над критическим анализом, что может привести к упрощению, а следовательно, и к искажению общей картины разработанного им учения. «Подводная часть айсберга», творческая лаборатория Леонтьева, философское обоснование им собственных политических, культурологических, религиозных и эстетических взглядов почему-то уходят из поля зрения исследователей.

Цель автора данной статьи – попытаться хотя бы в небольшой степени заполнить эту «брешь», рассмотрев основополагающие философские понятия, которыми оперировал Леонтьев для раскрытия сути своей культурологической концепции «триединого процесса».

Занимаясь, казалось бы, сугубо практическими исследованиями, обрабатывая конкретный исторический и этнографический материал, Леонтьев при этом много внимания уделял выработке понятий, логическому обоснованию своих идей, теоретическим построениям. Его интерес к истории цивилизаций, культур, государственных организмов всегда был специфичен: реконструируя последовательность и воспроизводя содержание социальных явлений и структур, он стремился подвести под собственные рассуждения философскую основу. Исследуя «законы развития и падения государств и культурных миров», Леонтьев предпринял попытку сформулировать «универсальную» концепцию развития, чтобы на ее основе определить специфику культурно-исторической динамики.

Впервые системное изложение концепции развития было осуществлено Леонтьевым в 1875 г. в работе «Византизм и Славянство». Его рассуждения опираются на предположение об «однородности законов развития и падения государств» и законов органического мира, равно как и законов «возникновения, существования и гибели ... всего того сущего, что нам доступно». На основании этого предположения, подкрепленного массой примеров из различных областей действительности, Леонтьев допускает правомерность «приложения идеи развития, выработанной реальными естественными науками, к жизни психической, к исторической жизни отдельных людей и обществ» [1.С.138].

Произведя, таким образом, «приготовительные операции», необходимые для непосредственного перехода к разработке проблемы развития, Леонтьев обосновывает ее актуальность тем, что современная ему социальная наука извратила истинное содержание понятия «развитие». Он объясняет это незрелостью социологии и некритическим восприятием ею эвдемонистических идей, в результате чего термином «развитие» стали обозначаться «вовсе разнородные процессы и состояния». По мнению Леонтьева, недопустимо смешивать процесс постепенного усложнения объекта или явления и процесс «распространения, разлития чего-то однородного, общего, простого» [1.С.136]. Он подчеркивал, что такие, к примеру, выражения, как «развитие грамотности», «развитый человек» некорректны, если речь идет об «охвате» образованием все более широких слоев населения или о количестве приобретенного человеком знания. Точнее было бы, по его мнению, употребить выражения «разлитие, распространение, рост грамотности» или «ученый человек» [1.С.136].

Под развитием Леонтьев понимал «постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенную индивидуализацию, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой – от сходных или родственных явлений» [1.С.137]. Процесс обособления, индивидуализации, по Леонтьеву, всегда сопровождается укреплением единства усложняющихся составных структурных элементов системы. Апогеем развития он считает «высшую степень своеобразия» («своеобразное разнообразие в единстве»).

Леонтьев четко разграничивал явления «количественного роста» и радикального «изменения формы», благодаря чему выявил механизм «порчи» и гибели формы и смены ее другой, более устойчивой и жизнеспособной. Причины же как качественных, так и количественных изменений Леонтьеву установить не удалось. Он связывал решение этой проблемы с усилиями будущих «более сведущих» продолжателей его учения.

В принципе, в рамках натуралистического подхода, сторонником которого был Леонтьев, возможны несколько вариантов решения проблемы эволюции. Если Г. Спенсер и Э.Б. Тайлор, отстаивая с естественно-научных позиций идею линейной эволюции, трактовали ее как процесс реализации скрытого потенциала явлений путем усложнения их форм, то Леонтьев, приверженец «циклического» направления, испытывал потребность философского обоснования этой проблемы. Он обратился к поиску тех «ограничителей», что препятствуют беспредельному и непрерывному усложнению.

Выражаясь современным языком, Леонтьев пытался сочетать системный и структурно-функциональный подходы к изучению действительности. Он отмечал, что «чем выше, чем развитее вид, род, класс, тем разнообразнее отделы (части, их составляющие), а собирательное, целое, все-таки весьма едино и естественно» [1.С.40]. Рассматривая объект познания как структурно-расчлененную целостность, Леонтьев обратился к исследованию механизмов, ее обеспечивающих, выявлению разнообразных типов связей сложного объекта и сведению их в единую теоретическую картину. В результате он пришел к выводу, что идеи формы, целого, системы, утверждая взаимную связь своих частей и элементов, тем самым полагают границы их изменений.

Леонтьев не раз пытался сформулировать свое понимание идеи, формы, материи (содержания). В понимании им идеи заметно влияние «Монадологии» Лейбница – он представляет ее как духовный первоэлемент, лежащий в основе каждого объекта и явления, неделимый, неуничтожимый, способный к саморазвитию. «Идея шара, например, есть равное расстояние от всех точек поверхности до центра» [1.С.148]. В зависимости от уровня сложности объекта идея более или менее ясно выражается на поверхности содержания, придавая ему определенную форму. «Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться» [1.С.143].

Форма есть «отрицательный момент явления, материя – положительный» [1.С.143]. Леонтьев объясняет это положение на примере: «Материя, например, данная нам, есть стекло, форма явления – стакан, цилиндрический сосуд, полый внутри; там, где кончается стекло, там, где его уже нет, начинается воздух вокруг, или жидкость внутри сосуда, дальше материя стекла не может идти, не смеет, если хочет остаться верна основной идее своей полого цилиндра, если не хочет перестать быть стаканом» [1.С.143].

Леонтьев различает «внутренние морфологические» идеи и идеи, вложенные людьми в материю извне. Первые («основные») «предустановлены» свыше, являясь «внутренним законом», или, если речь идет о природных явлениях, их «физико-химическим строем» [1.С.144]. Вторые – «подкарауливаются» человеком у природы и претворяются им в процессе жизнедеятельности в природные и социальные объекты.

Внутренние морфологические идеи, хотя и называются Леонтьевым «основными», не имеют явно доминирующего значения перед идеями «внешними». Более того, он примерно уравнивает их значение: «Машина рабски повинуетя отчасти идее, вложенной в нее извне человеческой мыслью, отчасти ... своей физико-химической основной идее» [1.С.144]. Так же и государство повинуетя, с одной стороны, «некоему таинственному, независимому от нас, деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи. С другой стороны, оно есть машина, сделанная людьми полусознательно...» [1.С.145].

Понятие материи (содержания) у Леонтьева крайне расплывчато: эта философская категория отождествляется им чаще всего с конкретными веществами – стеклом, бронзой, слоновой костью, камнем, и т. п. Однако, принимая во внимание высказывание Леонтьева о том, что форма, подчиняющаяся деспотизму внутренней идеи, «не дает материи разбегаться», можно предположить, что материя – это и структурные элементы, «атомы» с центробежными тенденциями.

В системах, состоящих из множества взаимосвязанных элементов, являющихся, в свою очередь, самостоятельными объектами, очень сложно «обнаружить» основную идею, обеспечивающую их единство. Но Леонтьев подчеркивает, что тем не менее, «основа метафизическая одна и та же и для маленького шара, и для великого государства» [1.С.146].

В главной своей основе форма объекта на протяжении его существования не меняется, но в ней постоянно происходят «частные» изменения, приводящие к ее «порче», а затем, «рано или поздно», к разложению и гибели. Развитие объекта, по Леонтьеву, сопровождается «выяснением, обособлением» его формы, а падение выражается ее расстройством, потерей своеобразия и общности с окружающим. Центробежные тенденции содержания приводят к ослаблению деспотизма основной идеи, разрыву «естественных уз формы» и гибели объекта.

Этот «триединый процесс» – возникновения, цветения и падения, по предположению Леонтьева, свойственен всему, существующему в пространстве и времени – «и небесным телам, и истории развития минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религий и, наконец, в жизни племен, государственных организмов и целых культурных миров». [1.С.140]

Его концепция развития охватывает не только целостные организмы, но и их части, системы, «аппараты», «процессы нормальные и патологические», даже «идеальные, научные, собирательные единицы, которые зовутся вид, род, класс и т. д.» [1.С.140]. Несомненная заслуга Леонтьева состоит в построении эволюционных рядов отдельных элементов системы, в особенности структурных элементов культуры. Несмотря на то, что исследование им развивающихся объектов, их организации и функционирования не было глубоким и основательным, оно позволило ему придти к выводам, предвосхитившим результаты серьезных научных исследований XX века. Речь идет об обнаружении Леонтьевым несовпадения хронологического («внешнего») и внутреннего времени существования структурных элементов сложных систем: «Живем мы все в одно время, но не одним и тем же» [1.С.41].

В самых общих чертах леонтьевская концепция «триединого процесса» (или «теория смещения») сводится к трем тезисам:

1. Начало развития характеризуется «первоначальной простотой»: элементы просты и однообразны, слаба их взаимосвязь;

2. Высшая точка развития – «цветущая сложность», при которой усложнившиеся разнородные части, связанные деспотическим единством, составляют своеобразное целое;

3. «Вторичное упрощение», т. е. уменьшение сложности и разнообразия элементов; их смешение и ослабление единства ведет к потере «индивидуальности» и гибели объекта.

Собственно развитие начинается с «количественного осложнения», или «роста», в процессе которого происходит изменение величины элементов и их «вида». На этом этапе вырабатывается метафизическая основа объекта или явления, формируются задатки их первоначального строения. Признаки, «не важные и не резкие в начале», разрастаясь, принимают определенные очертания и приобретают более важное значение. В этот период «первоначальной простоты» появляются и совершенно новые черты, «дотоле небывалые в картине всецелого организма» [1.С.137]. Леонтьев не объясняет причины новообразований, ограничиваясь лишь констатацией их появления. Исходя из общего контекста его сочинений, логично будет предположить, что они возникают в результате мистически предопределенного саморазвития основной «внутренней» идеи и, усиливаясь и обособляясь, приводят к изменению, «выяснению» формы, переходу ее на более высокий уровень.

В характеристике этапа «цветущей сложности» Леонтьев отразил свои представления об идеальном состоянии бытия – гармоничном единстве разнородных элементов. Эпоха «сложного и органического» цветения характеризуется им как «организованное единство в многообразии». Достигается оно благодаря усложнению как самих элементов, так и связей между ними. Увеличивающиеся различия между составными частями вырастают до противоположности, и этот признак Леонтьев считал важнейшим показателем богатства содержания. Конфликтного разрешения противоречий при этом не происходит, так как «внутренняя идея крепко держит ... материал в своих организующих, деспотических объятьях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающиеся стремления» [1.С.144]. Однако в период «цветущей сложности» постепенно и неотвратно происходит уравнивание интеграционных и дезинтеграционных процессов, что является первым признаком надвигающегося упадка. Леонтьев вводит понятие «роковых пределов», перейдя которые, организм вступает в последнюю стадию своего существования – стадию «вторичного смешительного упрощения».

Усиливающееся центробежное («поступательное») движение элементов разрушает границы между ними и ослабляет их единство, что приводит к их смещению и нарастанию однородности. Элементы упрощаются количественно (происходит их «вторичное принижение»), упрощаются и их связи. Слабеет «охранительный деспотизм формологического процесса».

Явления, предшествующие неизбежному «финалу» существования любого объекта или явления, Леонтьев характеризует следующим образом: утрата специфических особенностей; большее сходство составных частей; утрата «прежних строгих морфологических очертаний». Затем наступает распад – переход в «нечто общее, не собой уже и не для себя существующее» [1.С.139].

Понимание Леонтьевым соотношения понятий «развитие», «эволюция», «прогресс» определило специфику его политических взглядов и историософских построений. Понятием «прогресс» он оперировал не в морально-оценочном, а в «морфологическом» смысле, представляя его как «ход от простейшего к сложнейшему». Уровень сложности при этом определялся Леонтьевым не просто количеством элементов и характером связи между ними, но прежде всего силой («деспотизмом») их единства и степенью своеобразия и целого, и частей. Понятие сложности приобретает, таким образом, эстетический оттенок, а все существующее Леонтьев подчиняет «всеобщему закону красоты», который формулируется им как «разнообразие в единстве».

Необычным для метафизического построения было внесение Леонтьевым боли как неотъемлемого внутреннего признака развития. Его трактовка боли выходит за рамки иудейско-христианской традиции, в которой боль понималась как свойство несовершенного тварного мира. Леонтьев же, во-первых, стремится обосновать «законами гармонии» необходимость чередования страдания и наслаждения, и, во-вторых, подчеркивает, что наиболее болезненными являются возникновение, рост, поступательное движение и сдерживание своеобразного единства деспотическим охранением. Распад же происходит гораздо «легче», высвобождающиеся и уравнивающиеся части погибающего целого избавляются от страдания в эйфории свободы.

Понимание Леонтьевым сущности боли как результата «натяжения» связующих сил и сопротивления смещению и уравниванию в значительной мере объясняет его негативное отношение к явлениям «демократического прогресса», к идеалу будущего благоденственного, т. е. безболезненного существования человечества.

Термин «эволюция» встречается в сочинениях Леонтьева крайне редко. Вероятнее всего, он избегал употребления этого понятия как ненаучного, скомпрометированного, на его взгляд, позитивистами, которые представляли эволюцию как монотонное, линейно-направленное движение к изначально поставленной цели. Он считал недопустимым приложение такого понимания эволюции к социальным процессам и явлениям и категорически возражал против внесения в понятие исторического процесса какого-либо ценностного смысла. В противовес позитивистскому тезису о линейной эволюционности истории Леонтьев выдвинул положение о ее цикличном и неоднородном характере.

После написания «Византизма и Славянства» Леонтьев практически не возвращался более к разработке общих проблем развития и сосредоточил свое внимание на выяснении специфики развития социального и культурного. «Приготовительные операции» были закончены и «универсальная формула» стала применяться Леонтьевым к анализу действительности.

В течение жизни его отличала удивительная верность выработанному раз и навсегда философскому кредо. Эта «жгучая прямолинейность основного идеала» [3.С.175] и «угловатая непреклонная цельность» [4.С.25] вызывала раздражение одних и уважение других его современников. Круг идей, которыми оперировал Леонтьев в своих социально-философских построениях, в сущности, довольно узок, но поражает то обстоятельство, что на их основе ему удалось создать бесспорно оригинальное учение, отличающееся богатством и разнородностью состава.

Многие практические советы Леонтьева безнадежно устарели, архаичными кажутся и иные из его взглядов, но при этом отдельные аспекты его учения неожиданно приобретают актуальность, а не принимавшиеся всерьез современниками предупреждения и прогнозы сбываются. Обнаруживается, что подходы Леонтьева к анализу конкретных исторических ситуаций выходят за временные рамки, а выдвигавшиеся им аргументы быют дальше, а главное – глубже целей, им намеченных [4.С.5].

В немалой степени это определяется особенностью выработанных им философских основ и методов, что еще раз убеждает в необходимости их дальнейшего тщательного изучения.

Список литературы

1. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. В 2 Т. М., 1895-1886. Т. 1.
2. Леонтьев К.Н. Отшельничество, монастырь и мир. Их сущность и взаимная связь. Сергиев Посад, 1913.
3. Никольский Б.В. К характеристике К. Н. Леонтьева // Памяти К.Н. Леонтьева. 1891. Литературный сборник. СПб., 1911.
5. Страницы воспоминаний Константина Леонтьева. Ред. и предисл. П. Губера. СПб., 1922.

Philosophical Grounds of K.N. Leontyev's Cultural Conception of "Triune Process"

G.M. Drobzheva

Department of History and Philosophy, TSTU

Key words and phrases: pain; "secondary simplification"; idea; "primary simplicity"; progress; development; "variety in unity"; contents; "triune process"; "flourishing complexity".

Abstract: Contents of basic philosophical notions, which K.N. Leontyev used to ground cultural conception of "triune process" and the correlation of such notions as "development", "evolution" and "progress" are considered, thus allowing to realise his strong negative attitude to democratisation process. Comparative analysis of Leontyev's naturalist views and outstanding representatives of positivists' trend in sociology of XIX century points out his eccentricity and innovation in respect of organists principles of cultural development principles.

Philosophische Begründung der kulturologischen Konzeption "des dreieinigen Prozesses" von K.N.Leontjew

Zusammenfassung: Es ist die Erhaltung der grundlegenden philosophischen Kategorien, die K.N.Leontjew für die Begründung der kulturologischen Konzeption "des dreieinigen Prozesses" gebraucht hat, und auch die Entsprechung der Begriffe "Entwicklung", "Evolution" und "Progress" betrachtet. Das alles ermöglicht es, das scharf negative Verhältnis zu den Erscheinungen der Demokratisierung zu verstehen. Die vergleichende Analyse der naturalistischen Auffassungen von Leontjew und bedeutenden Vertreter der Positivismusrichtung in der Soziologie des 19.Jahrhunderts betont seine Originalität und sein Neuerertum in der Anwendung von organistischen Prinzipien zur Analyse der Kulturentwicklung.

**Justification philosophique de la conception culturologique
du “processus triunique” par K.L. Léontiev**

Résumé: On a examiné le contenu des catégories philosophiques que K.N Léontiev a utilisé pour la justification de la conception culturologique du “processus triunique”, ainsi que la relation des notions “développement”, “évolution” et “progrès”, ce qui permet de comprendre son attitude négative envers les phénomènes de la démocratisation. L’analyse comparative des idées de Léontiev et des représentants de l’orientation positiviste dans la sociologie du XIX-ème siècle soulignent son originalité et sa nouveauté dans l’application des principes de l’organicisme pour l’analyse de la culture.
